

РЕЦЕНЗИЯ

РЕЦЕНЗИЯ

**Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты:
Краткий словарь. — М.: Флинта; Наука, 2011. — 160 с.**

На рубеже XX—XXI вв. на фоне первых кризисов глобализации, провала идеологии мультикультурализма в Евросоюзе, торможения амбициозного проекта «Диалог цивилизаций», сбоя «перезагрузки» в отношениях США и России глубинный анализ межкультурных контактов становится все более востребованным направлением междисциплинарного научного поиска. Важность данной проблематики подтверждает уже тот факт, что сегодня около 75% населения земного шара владеют, в той или иной степени, двумя или более языками.

Хотя для России (и шире — региона ЦВЕ и сибирско-центральноазиатского ареала) естественный плюрилингвизм — тысячелетняя реалья, интерес к теме многоязычия после распада СССР практически пропал. Из отечественных исследований последних лет заметным явлением в этой области стали фундаментальные монографии, ориентированные прежде всего на российско-американский диалог: «Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения» О.А. Леонтович (М.: Гнозис, 2005), «Америка—Россия: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России» (М.: Европа, 2007), — или язык Русского Зарубежья. В лингвистическом аспекте интерес представляет «Язык и межкультурная коммуникация» С.Г. Тер-Минасовой (М.: Слово, 2000). Большое количество статей рассыпано в русскоязычной культурологической и филологической периодике.

Но в целом отечественная наука остается в позиции догоняющего по отношению к лингвоконтактологии, социолингвистике, этнопсихолингвистике, сравнительной культурологии и лингвоэтологии в Соединенных Штатах, Западной Европе и Японии.

Словарь «Языковые контакты», с одной стороны, продолжает прерванную в конце 1980-х традицию: «Лингвистический энциклопедический словарь» (ЛЭС, глав. ред. В.Н. Ярцева; М., 1990), Г.А. Зограф «Многоязычие. Лингвистический Энциклопедический словарь» (М., 1990), с другой, — восполняет системные пробелы в терминологии и описании и осмыслении в 1990—2000-е гг. природы традиционных и новейших реалий межъязыковых взаимодействий.

Предметный указатель дает хорошее представление о горизонте замысла составителей словаря: статьи собраны в группах по результатам языковых контактов (социокультурным и лингвистическим), по типам языков (гибридные, искусственные, зональные, межнационального общения), по типам и видам двуязычия, источникам и видам заимствований, терминам лингвоконтактологии, а также — в разделы «Психология билингвизма», «Языковые контакты и перевод», «Языковая политика, политико-языковая ситуация».

Под одной обложкой объединены сведения по переводоведению, общей лингвистике, риторике (фигуры речи), сравнительному языкознанию, лингводидактике, лингвокультурологии и другим смежным дисциплинам.

Очевидно, что определение «краткий» в названии предполагает появление расширенной версии словаря. Поэтому, признавая несомненные достоинства и актуальность книги, далее остановимся преимущественно на ее недочетах, которые следовало бы избежать в будущем.

Начнем со сквозных, встречающихся на каждой странице издания, предназначенного «для студентов гуманитарных специальностей».

Во-первых, было бы полезно при переиздании соблюсти требование хороших отечественных энциклопедических проектов и использовать в заголовках словарных статей ударения и букву «ё».

Во-вторых, предметный указатель (с. 152—157) заменить привычным и более функциональным индексом с отсылками на страницы, где тот или иной термин встречается.

В словаре В.М. Панькина и А.В. Филиппова «краткость» провоцирует фрагментарность, что в этом случае с энциклопедическим замыслом нельзя считать достоинством. Так, к сожалению, нейролингвистические подходы к освещению вопросов межъязыковых контактов (на что был сделан особый акцент в соответствующей статье ЛЭС) вообще остались «за кадром». Крайне мало освещена такая исключительно востребованная на рубеже веков тема, как «Языковая политика и лингвоконтактология» (всего три небольшие статьи: «Юридический аспект языковых контактов», собственно «Языковая политика» и «Языковое планирование»).

За рамками словника осталась не только бурно развивающаяся в последние десятилетия глобальная сеть культурно-языковых центров (типа Альянс Франсез, Бритиш Каунсил, курсы русского языка в системе Росзарубежцентра/Россотрудничества и Фонда «Русский мир» и т.п.), но и институты и законодательство в сфере языковой политики (конституционные акты и т.п., всегда в контексте лингвоконтактологии, в т.ч. в вопросе о статусе языка).

Между тем даже небольшой экскурс в историю: Акт о судопроизводстве на английском языке (*Англия, 1362*), Ордонанс Вилле-Котре (*Франция, 1539*), Венский литературный договор (*1850*) и Новисадский договор (*1954*), Тихая революция (*Канада, 1960—1970-х*), языковые льготы и квоты, лингвистические аспекты Kulturkampf и «культурной революции», языковой империализм (1), «азбучные» (2) и языковые (3) войны, лингвоцид, «политическая диглоссия» (4) и проч., — создали бы более систематизированный фон для понимания современных языковых конфликтов и общих процессов.

Явно не достаточно авторами представлена лингвоконтактология по линии «государственный/официальный язык — язык национального/исторического меньшинства», хотя XX и уже XXI в. дают немало материала из истории языков, чье признание было юридически отменено в интересах государственной целесообразности (латгальский, русинский, кашубский, моравский, силезский), или, напротив, «новопризнанных»: черногорский, хорватский и боснийский (законодательно выделившиеся из сербохорватского языка с распадом Югославии в 1990-х), люксембургский (официальный статус с 1984 г.). Эти и им подобные случаи наглядно демонстрируют неоднозначные отношения лингвистики и политики, удачно выраженной афоризмом «Язык — это диалект, у которого есть армия и флот».

В аспекте разнонаправленных векторов глобализации-регионализации бóльшего внимания составителей заслуживают первые опыты международных правовых актов в языковой сфере (напр.: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств 1992 г.), языковая политика международных организаций: ООН, Евросоюза, EUNIC, ALECSO, ТЮРКСОЙ (5) (напр.: Дни языков ООН, Европейский день языков), — а также «объединительные» искусственные языки: всеславянские (словянский/«руски език» Крижанича, Slovio), «чехословацкий язык», — и их типология (плановый язык, зонально сконструированный язык и т.п.).

При этом особым ответвлением лингвополитической части становятся как искусственно сконструированные (по политическим мотивам) языки: «поморска говоря», «сибирский язык», «літвінская мова», «кырыўіцкая (= кривичская) мова», «западнополесский и етвызьский/неоятвяжский языки» или в ином контексте — «бокситский язык», так и занявшие свое особое место в национальных литературных процессах — «литераризирующиеся» урбанистические говоры: «гвара львовска» (лвівська гвара, gwara lwowska), «одесский язык», «креативная Qwеля» и т.п.

Систематизация предметного указателя позволила бы избежать двусмысленных пересечений рубрик. Например, рунглиш и славенороссийский язык отмечены в списках «Социально-культурные результаты языковых контактов» и «Гибридные языки и их варианты». А аналогичные по природе синглиш, русифицированный старославянский, «русско-французский дворянский диалект» (6), ингмалчин и др. — только в одном.

Сегодня адекватно описать пеструю картину межъязыковых контактов уже невозможно без таких терминов, как аусбау-парадигма (аусбау-язык, абштанд-язык, язык-крыша), диалектный континуум, диасистема, языковой кластер, плюрицентрический язык, языковое пространство (языковой ареал, в том числе в его лингвополитической перспективе; ср.: англосфера, синосфера, франкофония, лузофония, русофония, испанидад, немецкоязычный Sprachraum), взаимопонятность, политическая стандартизация государственных языков, язык-мост (переходный язык), вертикальный языковой континуум (акролект, мезолект, базилект), языковой престиж, этнолект и др.

Необъяснимо даже краткостью словаря отсутствие в нем таких базовых терминов лингвоконтактологии, как койнэ, переводология (транслатология), плю-

рилингвизм, полиглотизм, глоттохронология, лингводидактика, графические варваризмы (7), асимметрия смысловая (грамматическая описана). Из новейших — «киевский компромисс» (8), альтерлингвизм (9) (художественное творчество на неродном/иностранным языке).

В статьях «Мировые языки» (с. 80), «Профессиональные международные языки» (с. 106) ни разу не упомянут русский язык, хотя он остается языком ООН, ЮНЕСКО, ВТО, МАГАТЭ, ВОЗ, ОБСЕ, ШОС, СНГ и других международных организаций. В статье «Русизмы» упомянуты слова — «торговые марки» и экзотизмы (vodka, kalashnikov, the Kremlin, czar и т.п.), но без внимания остались не менее известные — public diplomacy (перевод в декабре 1918 г. большевистского лозунга «народная дипломатия» (10)), sexual revolution (11), beatnik и научные термины: яровизация/Vernalisation, космонавт (дал интернациональную словообразовательную модель: astronaut, тайконавт, тайконавтка / hángtiānyuán «мореплавателю космоса»), ледоём (ledoyom), глей, чернозём, Mirovia & Rodinia (гипотетические суперконтиненты), токамак, gulag, samizdat (12), бридж (< Biritch < бирюч / бирич).

Составители проигнорировали такие случаи отталкивания при языковых контактах, как табуизация или намеренное искажение иностранных слов в связи с их созвучием с обценной лексикой (Шри-Ланка, хуэйцзу и т.п.), или, напротив, сознательное использование иноязычных слов вместо табуированной бранной лексики на родном или священном языке (13), а также все более частотные примеры сознательного введения новых букв или правил в национальную графику, должных дистанцировать ее от близкородственных (напр.: вызвавшее множество дискуссий введение в черногорский язык Š, Ž, и З).

В целом, как представляется, в словаре при большом количестве частных статей, посвященных заимствованиям и макароническим стихам, на концептуальном уровне акценты смещены к конфликтной стороне языковых контактов (характерно широкое использование понятий «язык-победитель», «побежденный язык») в ущерб примерам взаимного обогащения. Для описания межкультурных контактов применим известный афоризм Б. Шоу: «Если у вас есть яблоко и у меня есть яблоко, и если мы обмениваемся этими яблоками, то у вас и меня остается по одному яблоку. А если у вас есть идея и у меня есть идея, и мы обмениваемся этими идеями, то у каждого будет по две идеи».

В исторической перспективе абсолютное большинство языков мира развивалось в результате лингвистических контактов, что фиксируется и на лексическом уровне: так, в словарях английского языка исконных слов 30% (по сравнению с 55% латинско-французского происхождения), в венгерском — 21% (по сравнению с 20% славянских, 11% немецких и 9% греко-латинских). Положительная сторона «Языковых контактов» — обширный список примеров слов иноязычного происхождения, но при расширенном переиздании было бы полезно привести также примерные оценки процентного соотношения исконной и заимствованной лексики в русском языке.

Перспективное исследовательское направление, намеченное авторами словаря, — межязыковой диалог в художественной литературе. На с. 130 размещена

статья «Тайноречивая функция второго или родного языка» (14). Чтобы увидеть «приращение смысла», при билингвальной игре можно обратиться не только к бурлескным примерам школярского фольклора (как *spazieren*, так *zusammen*, а как *schaffen*, так *allein*), «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А.К. Толстого (1868) или стихотворной миниатюре «Сельское хозяйство» И. Мятлева (1838), но и к исключительной поэтической и функционально-стилистической роли полилингвальных фрагментов в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, «Евгении Онегине» (15) Пушкина, «Войне и мире» Л.Н. Толстого, романах В.В. Набокова, украинизмов у Гоголя, тюркизмов в прозе Ч. Айтматова и др. (16). Несомненно, при переиздании «Языковых контактов» развитие литературоведческой части пошло бы словаря на пользу.

В заключении отметим необходимость убрать из будущего издания досадные ошибки и опечатки, допущенные в 2011 г.: *I don't* (с. 19), «просить пардону» ≠ «требовать сатисфакции» (с. 29), «ит<н>ельменско-русские» (с. 79) и проч. Вряд ли оправдано однозначно включать слово «ранжир» (от франц. *ganger*) в число германизмов. Кириллица (с. 35) используется не только славянскими, но и некоторыми другими народами.

В последующих изданиях будет полезно избавиться от устаревшей терминологии: «в связи с *магометанством*» (с. 21; странное использование устаревшего слова, надо: исламом), «*византизмы* в русском языке» (там же; надо: грецизмы), «*лопари*» (с. 76) — сейчас используется этноним «саамы» и т.д. «Вестернизация» (с. 21) — это не только и не столько языковая политика и т.д. С учетом кампании «Шведский — факультативно!» в Финляндии (поддержало порядка 60—70% населения) и фламандско-франкофонного политико-языкового кризиса в Бельгии 2000-х гг. приводить их сегодня как примеры «равновесной языковой ситуации» (с. 107) рискованно.

Следовало бы аккуратнее отнестись и к географическим реалиям. Так, «восточноевропейско-русское двуязычие» в словаре описывает массовое владение русским языком в странах бывшего «социалистического лагеря» — *Центральной* (экс-ГДР, Чехия, Словакия, Венгрия и Польша) и Восточной Европы (авторы упустили из перечня страны Прибалтики), но вне поля внимания оставляет аналогичную ситуацию в государствах Азии (на Южном Кавказе, в Монголии, Вьетнаме) и на Кубе. «*Гренландские* [географический, а не этнический термин] заимствования» приводят примеры из языка инуитов, от которых пришло в русский язык не только редкое «авук», но более известные — эскимо(с), каяк. Слово «та-туировка», конечно, не из малайского языка (с. 77), а из полинезийских, скорее всего — таитянского *tatu*. На с. 83 упоминаются этносы «*России и СНГ*» (правильно: России и других стран СНГ).

Вместе с тем при всех отмеченных шероховатостях словарь «Языковые контакты» безусловно интересен и будет востребован на университетских курсах и шире — у всех интересующихся этой проблематикой.

Т.В. Коренькова

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Linguistic imperialism, language imperialism — термин ввел в научный обиход Р. Филлипсон в 1992 г.
- (2) Корнилов Д. Отголоски азбучных войн // [авторский сайт; октябрь 1998 г.]. URL: www.ukrstor.com/ukrstor/adk_azbwar.html.
- (3) Крюков А. Иврит, идиш и «языковые войны» // Еврейское слово. — 2005. — № 39(262). URL: www.e-slovo.ru/262/6poll.htm). Сосновский Дм. «Языковые войны» на постсоветском пространстве // Сайт RuBo@rd. 18.07.2011. URL: www.rusbg.com/11/yazikovie-voyni-na-postsovetskom-prostranstve.html.
- (4) Термин А. Вержбицкой.
- (5) ТЮРКСОЙ (Организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства; от турецк. *Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi*) — международная организация тюркоязычных стран и регионов начиналась с саммита государств тюркских языков (1992). В языковой политике поддерживает проекты создания общетюркского языка и унификации графии и по возможности терминологии тюркских языков.
- (6) Небрежность составителей: в словаре на С. 112—113 — «Русско-французское двуязычие». Также на с. 83 дана ссылка на статью «метаязык», отсутствующую в словаре.
- (7) История рубежа XX—XXI вв. богата примерами как «графических войн» (латиница vs кириллица vs арабская вязь и т.п.), так и экспериментов по смешению алфавитов и принципиально различных систем графики в дизайне.
- (8) Kiev compromise (*Fred Weir*. Ukrainian vs. Russian language: two tongues divide former Soviet republic) // The Christian Science Monitor. 15.03.2010. URL: www.csmonitor.com/World/Europe/2010/0315/Ukrainian-vs.-Russian-language-two-tongues-divide-former-Soviet-republic.
- (9) См.: Коренькова Т.В. Типология иноязычной литературы эмиграции: интеграция в чужой мир или/и передача национальной культуры // Безопасность Евразии. — 2008. — № 2 (32). — С. 341—346; Коренькова Т.В., Кореньков А.В. Язык вражды в призме билингвизма: разнокультурные ракурсы восприятия языковых фактов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2011. — № 1 (12). — С. 15—30.
- (10) См.: Сухарев А.И., Кореньков А.В. Гуманитарное измерение внешнеполитической деятельности: стратегии развития общественной дипломатии и константы динамики НПО-среды (статья 1-я) // Безопасность Евразии. — 2008. — № 4(34). — С. 76.
- (11) Впервые словосочетание употреблено в брошюре Г.А. Баткиса «Сексуальная революция в Советском Союзе» (М., 1923; немецкий перевод *Die sexuelle Revolution in der Sovietunion*, 1925). Термин получил мировое признание после книги В. Райха «Sexuel Revolution» (1945), в предисловии которой упомянуты исследования советского медика.
- (12) Слова gulag, samizdat, matryoshka (matrioska) в языках мира применяются уже не только к русско-советским реалиям. См.: America's gulag for Iraq's VIP prisoners, Taliban gulag, Le goulag global signé Etats unis, El gulag de América está en el Caribe, WikiLeaks is the first global Samizdat movement, matrioshka brain («мозг-матрешка» для трансвычислительных задач), англо- и франкоязычные сайты и блоги www.samizdat.net, www.samizdat.qc.ca, <http://conservativesamizdat.blogspot.com> и т.п.
- (13) Ср.: «поклоннику исламского граффити писать исключительно зеленой краской и только на русском языке, поскольку величие и красота арабского языка предназначены для более серьезных богословских текстов» (*Гереев Р.* Джихад-граффити). URL: <http://kavpolit.com/dzhixad-graffiti>.
- (14) Один из наиболее ярких современных примеров в зарубежной литературе — канадско-франко-ливанский драматург Важди Муавад (*Wajdi Mouawad*; напр. его пьеса «Пожары» — *Incendies*, поставленная на сцене московского театра Et cetera).

- (15) Классический пример многослойной билингвальной игры — стихотворный «перевод» Пушкиным написанного по-французски письма Татьяны Онегину.
- (16) См.: *Эткинд Е.* О поэтическом «импорте» и, в частности, о еврейской интонации в русской поэзии двадцатых годов // *Cahiers du monde russe et soviétique*. — Vol. 26. — № 2. — Avril—Juin 1985. — P. 193—217. — URL: www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1985_num_26_2_2043

REVIEW

**Pankin V.M., Filippov A.V. Language Contacts:
a Concise Dictionary. — М.: Flinta; Nauka, 2011. — 160 pp.**

T.V. Koren'kova